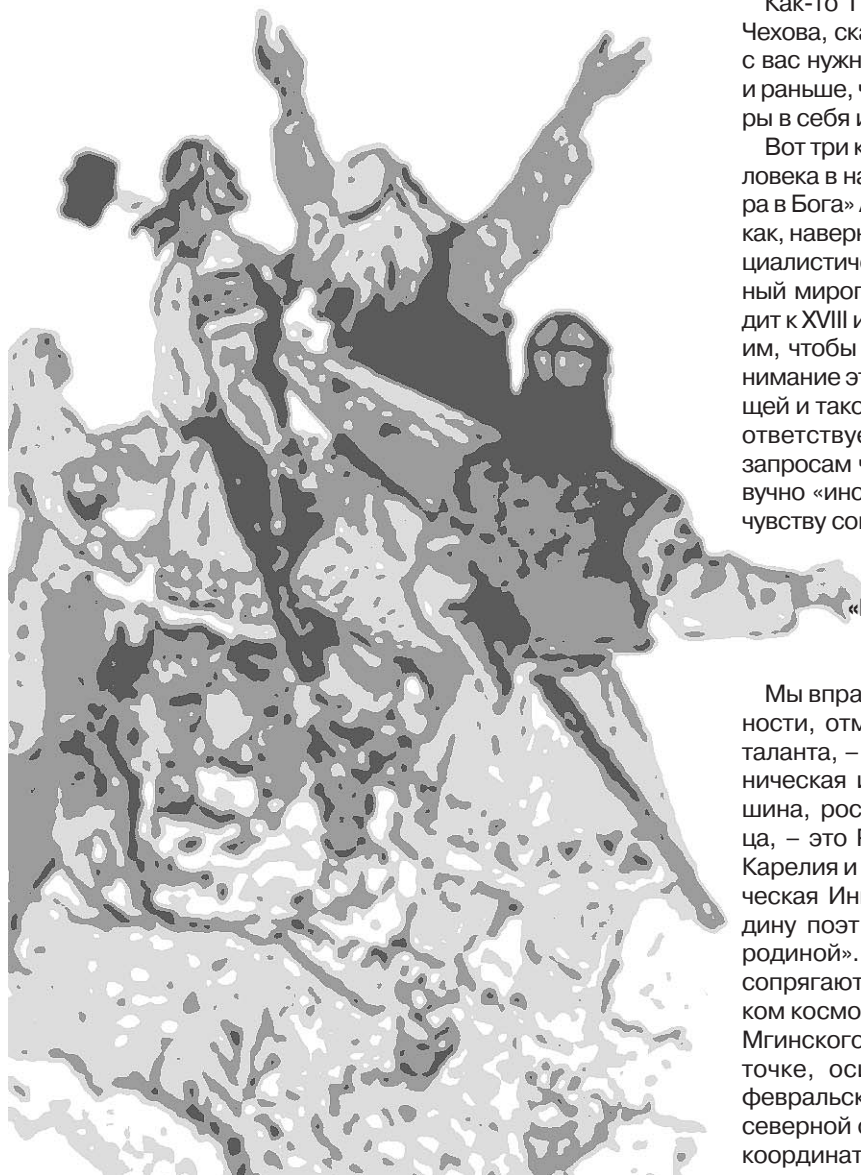

Роберт КОЛОМАЙНЕН

г. Петрозаводск

*«За жизнь свою
благодарю творца...»*

**«МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ
ЗЕМЛИ НУЖНО?»**

Одному из ведущих поэтов Карелии Армасу Мишину (псевдонимы Армас Хийри, Олег Мишин) 15 февраля 2010 года исполняется 75 лет. Какой современной читательской меркой мерить его более чем полувекое творчество? Наукой оно основательно изучено в таком фундаментальном труде, как «История литературы Карелии» (тома 2-й и 3-й, 1997 и 2000 годы), а критикой еще ранее, в 1974 году, высоко оценено в книге «В краю “Калевалы”» таким корифеем отечественной филологии, как Эйно Карху.

Как-то Горький, обращаясь к читателям Чехова, сказал: «А так как вам много дано – с вас нужно спросить не только больше, но и раньше, чем с человека без почвы, без веры в себя и в Бога».

Вот три координаты для меры вещей и человека в наши дни. Только вместо слов «вера в Бога» Армас Мишин сказал бы сегодня, как, наверное, мог сказать и в прежнюю, социалистическую, эпоху: «вера в нравственный миропорядок». Да, это понятие восходит к XVIII и XIX векам. Но мы воспользуемся им, чтобы выразить наше собственное понимание этически выверенного порядка вещей и такого жизнеустройства, которое соответствует непреходящим качествам и запросам человеческой природы. Оно созвучно «инстинкту разума» и нравственному чувству современного человека.

Мы вправе отнести слова Горького к личности, отмеченной печатью незаурядного таланта, – к «поэту милостью Божьей». Этническая и духовная «почва» Армаса Мишина, российского финна-ингерманландца, – это Россия и Северо-Запад страны, Карелия и Ленинградская область, историческая Ингерманландия. Свою малую родину поэт любовно называет «рябиновой родиной». Есть на ней точка, в которой сопрягаются горнее и долнее в поэтическом космосе Мишина, – деревня Пустошка Мгинского района, где он родился. В этой точке, осиянной сверкающей белизной февральских снегов и рябиновым светом северной осени, легко угадать начало трех координат жизни и творчества А.Мишина, «по духу русского, финна по крови».

Военное лихолетье и национальная дискриминация послевоенных лет отлучили А.Мишина от малой родины – практически на всю жизнь. Даже в послевоенной Сибири он четырнадцатилетним подростком был вместе с матерью выслан из Омска – по национальному признаку. Держава не только утверждала единообразие на своих необъятных пространствах, но и делила своих граждан на «советских» и «менее советских». С переездом в Карелию в далёком 1949 году начался долгий путь поэта к «началу всех начал», к своим корням:

*Вся моя жизнь –
возвращенье на родину
на всех видах транспорта,
лишь последние километры –
пешком.
Но и сегодня
я так же далек от цели –
о моя Ингерманландия!*
1990

С этим центром земного притяжения поэта связывают – увы! – лишь фантомные ощущения: малая родина утрачена безвозвратно. И все-таки неприкаянность и неизбывная тоска по земле обетованной, оставшейся в прошлом, – реальные чувства поэта и его читателей-ингерманландцев в наши дни. Особенно в те горькие минуты, когда на «новой» малой родине местные и державные патриоты дают им понять, что они лишь «мигранты» рядом с коренными народами края. Что поделаться, зигзаги – наша отечественная траектория развития: от интернационализма к этнизации массового сознания и от него к этноцентризму.

Как горько-символично звучит название «Пустошка» в жизненной и поэтической биографии А.Мишина! Пустота, в которой исчез целый национальный микромир. Так в своё время «чудь в землю ушла».

*Нет деревни моей давно.
Ей веки не возродиться,
ей воскреснуть не суждено.*

Каждую осень природа обозначает эту пустоту полыханием рябиновых факелов. Таких «пустошек» на родине ингерманландских финнов десятки и сотни.

Ответим и мы вместе с поэтом на толстовский вопрос: «Много ли человеку земли нужно?» Нужно ровно столько, чтобы не оборвалась духовная пуповина с этнокультурной «первопочвой», как выражаются современные психологи.

«НЕ СПИТЕ ДНЕМ...» (Борис Пастернак)

«Весомость слов простых» – так Армас Мишин в 1982 году назвал сборник своих литературно-критических статей. Этим он – вольно или невольно – выразил и свою эстетическую программу, поэтику своего творчества как в предыдущие тридцать лет, так и в последующую четверть века. В его поэзии простые слова современного языка обретают такую же весомость, такую же жизненную глубину, как и простые слова в евангельском тексте русской литературы.

Именно в простых словах поэта ощущим настоящий вкус жизни и заключен подлинный смысл бытия. А.Мишин мог бы сказать о себе словами Марины Цветаевой: «Мне, чтобы жить – надо радоваться».

Радостное, романтическое, жизнеутверждающее мировосприятие особенно характерно для Мишина в 1950–1970-е годы. Изумительна способность поэта переживать радость бытия при соприкосновении с «мелочами жизни», с повседневностью, казалось бы, привычной нам чуть ли не до полного безразличия.

Он как бы полемизирует своим творчеством с теми, о ком великий Пушкин говорит: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Взгляд Мишина можно сравнить с солнечным лучом, который выхватывает из «тьмы низких истин», преобразует и возвышает все, что оказывается на его пути.

Хотя правильнее было бы сказать: поэзия Мишина отнюдь не устремлена к «нас возвышающему обману». «Обмана» как раз и нет: разве солнечный луч обманывает? Он только позволяет вещам предстать нашему взору такими, какие они суть по своей природе и в своем отношении к человеку.

Читатель может сравнить эту зоркость поэтического таланта к «частностям нашего существования» с ощущениями человека, выздоравливающего после болезни. Даже повседневные мелочи, «микродетали» бытия видятся ему в своей первоизданной новизне и значительности.

Эта особенность мироощущения сближает Мишина с Борисом Пастернаком. Родство поэтических натур проявляется и в том, что они оба придают «простоте» прямо-таки вселенское бытийное и эстетическое значение. Вспомним, как это выразил Пастернак: «В родстве со всем, что есть, уверясь и знаясь с будущим в быту, Нельзя не впасть к концу, как в ересь, В неслыханную простоту».

В своем поэтическом космосе Мишин воспринимает и переживает бытие так, как человек, наверное, воспринимал и переживал бы его в первые дни после сотворения мира – с изумлением и восторгом. Радость поэтического открытия-узна-

вания и радость бытия нераздельны. Это ощущение изначальной соприродности человека с сущим, светлое, ясное, лучезарно-аполлонийское со-бытие с миром в целом и его вещами, мимо-лётными явлениями и состояниями.

В этом лирическое кредо Мишина сродни эстетической позиции его, пожалуй, самого любимого поэта – А.Фета. Вообще говоря, поэзия Мишина эмоционально сдержанна, ей не свойственны стихийная сила чувств и эмоциональный напор. Фет предостерегал против них в выражении чувства красоты: «Чем сильнее самое чувство будет разъедать созерцательную силу, тем слабее, смутнее идеал и брэнней его выражение». Мишин следует – может быть, безотчётно – этому принципу эстетического дистанцирования от излишне сильных эмоций:

*Мне иного не надобно:
подниматься с зарёй,
видеть тихую радугу
над омытой землёй,
черпать солнце ладонями
из живых родников
и ходить коридорами
золотых сосняков.*

1962

Восхитительное сочетание поэтического таланта с природным даром, который можно назвать экзистенциальным талантом (есть и такое понятие)! В поэзии А.Мишина этот талант неотделим от чувства органической «сопричастности» (один из «ключевых знаков» его поэзии) к тому, что дарит людям радость человеческого единения. Вот как это выразилось в его поэтической жемчужине «Человечек»:

*До ушей его улыбочка веселая.
Руки веточками воткнуты в бока.
Человечек, на асфальте нарисованный, –
плод фантазии и школьного мелка.*

*Солнцу радуется этот человек,
оставаясь на асфальте даже в дождь.
И, конечно, не бессмертен он, не вечен,
но боится невнимательных подошв.*

*Только он не обделен душой широкой,
всем дарит своей улыбки торжество:
и тому, кто обойдет его сторонкой,
и тому, кто наступает на него.*

1968

На нашей родной российской почве вырос и этот изумительный в своей глубокой простоте и чело-

вечности «солнечный цветок» поэзии. Стихотворение проникнуто тем же радостным ощущением людского братства, что и знаменитая ода Шиллера «К радости» («Обнимитесь, миллионы...»). Поэзия А.Мишина – прекрасное подтверждение истины, о которой напоминал Жан Жак Руссо в XVIII веке: «Безусловным доказательством истинной высоты человека является его непрерывно радостное расположение духа».

Русская литература XIX века, её «золотой век» – духовная почва Армаса Мишина, которая питает его, «русского по духу», и сегодня. Пушкин, Тютчев, Фет... Стихи не одного десятка русских поэтов, начиная с Державина, он перевёл для финноязычного журнала «Carelia».

ПОЭТ-ГРАЖДАНИН

Пусть не вводят нас в заблуждение досужие разговоры о былом литературоцентризме, к которому якобы нет возврата. И в XX веке, и в наши дни поэт был и остается нужен современному обществу. Так в древнем обществе нужны были вдохновенные и бесстрашные пророки.

Поэт нужен не только «для звуков сладких и молитв». Он нужен и для того, чтобы наш современник «без почвы, без веры в себя и в Бога» ощутил почву под своими ногами и обрел веру в свое лучшее «я», в ценность, красоту и сокровенный смысл бытия.

В письме Пастернаку Варлам Шаламов рассказывал, как он, «чужой всем окружающим, затерянный в зиме», в чудовищных условиях колымских лагерей «пытался то робко, то в отчаянии стихами спасти себя от подавляющей и растлевающей душу силы этого мира».

А. Мишин глубоко чувствует единство судеб, связь поэта со своим современником в личных и социальных драмах века:

*Мне тот родней, кому трудней.
Быть может, это обоюдно.
Мне потому они родней,
что самому бывает трудно.*

1973

Поэт знает цену человеческой солидарности, потому что сам обязан ей многим – верой в себя и в нравственный миропорядок:

*Когда же власть неправая теснила,
людского соучастия тепло
спасало, согревало и хранило,
и тем от озлобленья сберегло.*

В гражданской и камерной лирике А.Мишина с начала 1990-х годов ощутима грустная и горестная, минорная тональность. На исходе XX века мы узнали многое о себе и своей истории:

*Быть счастливым уже невозможно.
Память горькая не велит.
Но душа отзывается все же
на чудесное, хоть и болит.*

1999

Наступило смутное время и время перемен – далеко не однозначных и далеко не всегда к лучшему. «...Во многой мудрости много печали», – говорится в «Книге Экклезиаста, или Проповедника».

*Потому и страшно
зло в наш новый век,
что во зле вчерашнем
вырос человек.*

2003

Нет, это не меланхолия, не уныние и не безверие. Это ощущение путника, который по-прежнему видит на краю небосклона свою путеводную звезду и вместе с тем замечает, как неумолимо отдалается горизонт... Армас Мишин по-прежнему верит в эффективность подлинной демократии, в свободу мысли и слова, в неотъемлемые права человека. Но он сознаёт, как тернист наш путь к этим ценностям, и повторяет известное изречение: «Конечная цель – ничто, движение – всё». На нашей российской земле это значит: «Дорогу осилит идущий».

ПРОТИВ СНА РАЗУМА

Вместе с фольклористом Эйно Киуру А.Мишин перевел в 1990–2000 годы все пять версий поэмы Элиаса Леннрота «Калевала». Их титаническая работа сделала возможным настоящий «калевальский ренессанс» в Республике Карелия и на Северо-Западе России. В творчестве А.Мишина это, пожалуй, самое яркое свидетельство того, как плодотворно было его возвращение на финскую этнокультурную почву. Он осваивал ее в течение десятилетий как поэт, фольклорист, литературовед, переводчик, исследователь «Калевалы».

Мишин и Киуру адекватно восприняли и передали художественное своеобразие поэмы Леннрота и ее органическую связь с народной эстетикой карельского и финского фольклора. В этом отличие их перевода полного издания «Калевалы» от перевода Леонида Бельского. Перевод Бельского замечателен,

но тяготеет по своей стилистике больше к «высокой литературе» и русскому героическому былинному эпосу, чем к «крестьянской» народной эстетике. Новый перевод несколько не уступает старому в поэтичности, скорее наоборот: лирическая струя звучит в поэме еще проникновеннее и задушевнее.

Несмотря на мощный всплеск читательского интереса к «Калевале», возникли сложности в осмыслении природы эпоса. Они связаны с забвением тех результатов, которых карельская наука добилась в этой области в 50–80-е годы прошлого века. На протяжении ряда лет А.Мишин в своих статьях и публичных выступлениях разъясняет подлинную природу «Калевалы» как лиро-эпической поэмы Э.Леннрота, созданной им на основе карельского и финского фольклора.

В прошлом году он опубликовал две научные статьи на эту тему: «Эпос «Калевала» – литературное произведение XIX века» («Ученые записки Петрозаводского государственного университета», май, 2009) и «"Калевала": фольклор или литература?» (издание Российской академии наук «Наука в России», 4/2009). Он разъясняет в них ошибочность отождествления «Калевалы» с народной поэзией.

Пафос объективной истины, опора на разум, здравый смысл и твердо установленные факты роднят А.Мишина с просветителями XVIII века. Увы, просветительством приходится заниматься и в наши дни: авторитет и статус науки в нашем обществе резко снизились, предрассудки, мистицизм и псевдонаучные теории довлеют над массовым сознанием, человек науки нередко превращается на наших глазах в «человека играющего», например, псевдоэтимологическими аналогиями (прямо как у Хейзинги).

Не у всех учёных хватает смелости и гражданского мужества защищать достоинство разума и знания от напора самоуверенного невежества и утонченного мракобесия. Поэт и учёный Армас Мишин – верный рыцарь высокой литературы и науки в нынешнее время перемен. Для него это служение красоте и разуму так же естественно, как дыхание:

*Себя почувствуешь пылинкой мирозданья,
не знающей начала и конца,
что получила краткое сознание
за жизнь свою благодарить Творца,
за этот мир, за красоту земную,
в которой растворишься навсегда...*

1990

* * *

Как пахнет земля,
я впервые узнал не на пашне.
А тогда, в сорок первом,
когда молодые солдаты
копали траншеи у нашей деревни.
Лишь многие годы спустя
я узнал,
какие сражения здесь отгремели.
Когда прохожу я вдоль пашни весенней,
мне запах земли доносит
глухое звяканье
саперных лопат.

* * *

В руках отца
летает рубанок.
И желтая стружка
у ног шелестит.
А мне кажется, что отец
бредет мне навстречу
в пене до самых колен.
И я, босоногий,
стою на морском берегу.
Ветер раздувает мою рубаху,
как парус.

* * *

Из вагонов — по насыпи вниз,
по ягодам толокнянки,
в вое и реве бомбардировщиков,
в сорочьем стрекоте пулеметов
скатывались
и, задыхаясь, бежали
в ближайший лесок
и там, прижимаясь к поленнице,
ждали.

Мать держала меня за руку,
крепко прижимая к груди
моего младшего братишку.
А самолет пикировал прямо на нас.

И вдруг мать
засмеялась
навстречу пикирующему
самолету.
Она хохотала неистово,
запрокинув голову.
Она смеялась еще и потом,
когда самолеты ушли.
Плечи ее содрогались,
когда ей помогли
подняться в вагон.

* * *

Из литейки заводской усталая
приходила за полночь домой.
Как всегда, ее спецовка старая
пахла шлаком горьким и землей.
Обрубала мать чугуна кувалдою,
выбивала из опок литые,
и движенья стали угловатыми
от такой заботы у нее.

И хотя я был уже не маленький,
я в кино ходил нередко с ней.
Но однажды: «Эй, сыночек маменькин!» —
я упрек услышал от друзей.
Мне тогда сказать бы: «Да, действительно.
Я такой. Я маменькин сынок.
И совсем меня вы не обидели».
...Но сказать я этого не смог.

БУРАН

Он замел дома, дворы
где-то у Сулажгоры.
В переулки и проулки
бросил блестящие мишуры.
Меж театрами двумя
в небеса рванул стоймя,
с высоты на город рухнул,
жестью гулкою гремя.

Там, где площади овал,
львиный облик перенял.
Лососинку и Неглинку
на ходу запеленал.
Пролетел над Ключевой
вихрь метельный, снеговой
и над Кукковкой, аукая,
пронесся по кривой.

А теперь куда, куда?
Стоном стонут провода.
Есть еще простор Онега,
есть онежская вода.

ПОРОГ ЗОЛОТЕЦ

Раскатывалось эхо,
неслось, гремя, за лес.
Я спал, но слышал — это
работал Золотец.
Пока еще он вольный,
ревел и грохотал,
и вздыбленные волны
бросал на пики скал.
То утихал, то снова
за окнами гремел,
весь от зари лиловый
и весь от пены бел.
Я просыпался часто:
мне думалось тогда,
что это мимо мчатся
ночные поезда.

* * *

Водла тихо волны катит.
Ветерок пропах смолой.
Это **гонку*** тянет катер,
вспенив воду за кормой.
До воды склонились ветлы.
Вечер летний все светлей.
И плоты качает Водла,
словно собственных детей.

---

* Связка плотов из бревен, сплавляемых по воде.

* * *

В этом северном городе русском
на скамейках дворовых
старые женщины
говорят на родном наречье,
мне с детства знакомом.
Немало они поработали в жизни —
в эвакуации в годы войны
и в послевоенные годы
в колхозах, в артелях рыбацких
и в жарких литейках заводов.
Мужья у немногих остались в живых.
Но выросли дети.
Словом, им есть о чем вспоминать,
о чем говорить
с печалью и радостью тихой
на этих скамейках дворовых,
в этом северном городе,
что стал им родным,
где не так уж и часто услышишь
финскую речь.

* * *

Край холмистый, край ольховый,
 золотой от солнца день.
 В речи родственное слово,
 говор вепских деревень.
 Там, в синеющей долине,
 не родимое ль село?
 Что же нас так разделило,
 разлучило, развело?

Занесен сюда судьбою,
 озираю даль с холма.
 Ах, как радуют резьбою
 деревянные дома!
 Эти взоры родниковы,
 эти волосы как лен...
 Словно тут я всем знакомый,
 мне от каждого поклон.

Он живет, народ «подпольный»,
 и свою живую речь,
 вопреки всему, крамольно
 ухитрился уберечь.
 Неприкаян, непреклонен,
 щедр по-детски и открыт.
 Чуть не в каждом Рюрик Лонин —
 скромен, прост и знаменит.

Плещет речка-крутовертка
 меж камней в ивняке,
 напевает Шелтозерка
 мне на вепском языке.

РОДНОЙ ЯЗЫК

О музыка родного языка,
 ласкающая слух мне с колыбели,
 летящая ко мне издалека,
 из недр веков сквозь ливни и метели.
 Мне предки позабытые мои
 язык свой, умирая, завещали.
 В нем — шум листвы и плеск речной струи,
 все радости мои и все печали.
 Шепчу два слова: **aiti, kotim** *
 и вижу мать, и вижу край родимый,
 и блещет лето, и метет зима,
 и машет осень красною рябиной.

---

* Мать, родина (финск.).

* * *

Ингерманландцы! Мои земляки,
 древнего семени финское племя,
 вас поглотило пространство и время,
 страны чужие и материка.

Родина все-таки в сердце жива,
 тянет отечество силой земною.
 Вечны родного наречья слова,
 всюду с тобою они и со мною.

Песнь колыбельную вьюга поет,
 песни качельные лето приносит.
 Щедро бросает на кочки болот
 сладкой морошки янтарную россыпь.

Как ты прекрасна и как ты скромна!
 Встреча с тобою — невольные слезы.
 Ингерманландия, Инкеринмаа —
 в сини холмистой ольха да береза...

РУНОПЕВЦУ

Как волны морские пенные,
 где паруса тонет скрип,
 величественно-напевные
 звучат твои руны, Архип.
 Ветер в просторы бескрайние
 уносится — сердце рвет:
 плачет мать Лемминкяйнена,
 из Туонелы сына зовет.

В пламени тучи грудятся,
 ухаает гром сильней:
 вечный кователь трудится —
 сампо кует для людей.
 Озеро плещет накатисто,
 среди тростников звеня, —
 Вяйнямейнен на кантеле
 играет на склоне дня.

Ни разу не перепетые,
 все новые руны звучат.
 Поет для Леннрота Перттунен, —
 леса и горы молчат.
 Как звезды дорогой Млечною, —
 путями земных орбит
 уходят вещи вечные
 руны твои, Архип.

* * *

Ларин Параске*
в парке среди осенних рябин,
маленькая, высохшая.
Крепкие смуглые руки
вытянуты на коленях.
Шума чужого города не слышит.
Кто-то красную розу ей в руки вложил.
Она и этого не заметила.

---

* Ларин Параске (1833–1904) – знаменитая
ижорская сказительница.

* * *

Купол васильково-синий.
Солнце. Облака.
Серединная Россия.
Тихая Ока.
Свет берез и цвет черемух.
Тонкой ивы грусть.
...Ели – воины в шеломах –
охраняют Русь.

* * *

Предки предков моих
на Оке свои лодки долбили.
Смел их времени вихрь,
но известно: здесь пращурь были.
Пусть навеки ушли –
в камне память об этом хранится:
древний храм на Нерли
сквозь столетья пронесит их лица.

Белый храм невесом.
Вдаль со стен они смотрят веками.
И с похожим лицом
я гляжу на них, выбитых в камне.
Мне Россия – и щит,
и надежных товарищей плечи.
Пусть язык мой звучит
равноправно среди прочих наречий.

* * *

Мне иного не надобно:
лишь вставить бы с зарей,
видеть тихую радугу
над моею землей,
черпать солнце ладонями
из ее родников
и ходить коридорами
золотых сосняков.

* * *

Зачем мне видится порой
калины красной куст?
Зачем он снится, дом родной?
Зачем мне этот груз?
Все заросло давным-давно,
как рана заросла.
Но дорогой избы окно
не погасила мгла.

Когда на поезде лечу
я мимо этих мест –
тянусь опять к его лучу,
неся печали крест.
Мать улыбается с крыльца –
с работы ждет отца.
...И памяти той нет конца,
как жизни нет конца.